

СКАЗКА

□

ДВУХ

АЛЕКСАНДРА

В
>
Б
>
В
>
Г
>
Д
>
Е
>
Ж
>
З
>
И
>
К
>
Л
>
М
>
Н
>
О
>
П
>
Р
>
С
>
Т
>
У
>
Ф
>
Х

НИКОЛАЕВА

0+

Александра Николаева
Сказка о двух влюблённых

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Николаева А. С.

Сказка о двух влюблённых / А. С. Николаева — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Жили на свете двое влюблённых, но не знали они, как сказать о своей любви друг другу. Они думали, что смешно им надеяться на ответные чувства. Так они и жили, в любви и смирении с тем, что всегда будут одиноки. Но когда наступает Рождество может случиться всё, что угодно, даже то, чего мы ожидаем меньше всего.

Александра Николаева

Сказка о двух влюблённых

Жили на свете двое влюблённых, но не знали они, как сказать о своей любви друг другу. Они думали, что смешно им надеяться на ответные чувства. Так они и жили, в любви и в смирении с тем, что всегда будут одиноки.

Жили они не богато, но работу свою любили. Он работал подмастерьем у местного сапожника. Она шила платья для здешних господ с толстыми шеями и кошельками. Виделись они редко: раз в пару месяцев, если повезёт. Когда у господ и их не всегда аккуратных детей лопались в уличной драке парадные детские костюмы или отваливались от бездорожья подошвы ботинок, её и его вызывали на помощь одновременно, чтобы решить все проблемы сразу. Они никогда не говорили друг с другом по-настоящему. За счастье для каждого было одно лишь приветствие и пара бытовых просьб, если таковые имелись. Поговорить как следует повода и времени не находилось. Так, день за днём их жизни пролетали мимо друг друга, радуясь мимолётным встречам, за которыми следовали не мимолётные расставания.

– Эрик! – огласил поздним утром Мастерскую крик сапожника. – Где тебя черти носят!? Заказов больше, чем мартовских котов по весне!

Старый сапожник, крепко приложившийся накануне к небезызвестной продукции химического происхождения, ходил по мастерской, шатаясь в разные стороны и роняя всё вокруг небрежными движениями размахивающих рук.

– Эрик, сын собаки! – продолжал упорно искать своё подмастерье сапожник. – Где ты, чёрт возьми?!

– Я здесь, хозяин, – негромко сказал молодой человек в грязном рабочем комбинезоне, обмотанном не менее грязным фартуком, показавшись в проёме своей комнатухи, половина которой использовалась им как личное пространство для мастерской.

– Тебя где черти носят!? – сладостно крикнул на Эрика сапожник. – Завтра уже канун Рождества, люди придут за своими заказами, а ты что делаешь?

– Я как раз доделываю последние заказы, как вы и просили, хозяин, – покорно сказал Эрик. – Трудился всю ночь, глаз не сомкнул.

Сапожник пьяно улыбнулся и потрепал грязными пальцами подмастерье за щеку.

– Какой ты у меня хороший, – сказал сапожник, словно обращаясь к своей охотничьей собаке. – Славный малый. Но смотри у меня! Не успеешь сделать все заказы в срок, придётся отдать тебя мяснику Роджерсу! А-ха-ха-ха-ха-ха! Сделает из тебя отбивную! Ха-ха-ха-ха-ха!

– Я всё успею, – сказал Эрик.

– Хорошо я тебя припугнул, да, Эрик? – всё ещё смеясь над собственным остроумием, сказал сапожник. – Вот так с вами надо, с молодыми, чтобы из вас что-то путное получилось!

Сапожник потрепал Эрика за обе щеки, оставив на них боевые полосы от пальцев, перепачканных нафталином, и удалился, чтобы продолжить праздничные Рождественские мероприятия в обнимку с жидкостью крепкого градуса. По какой-то причине зимние гуляния в честь Рождества всегда начинались у сапожника раньше, чем у остальных. Но Эрик к этому уже давно привык, как привыкал ко всем причудам своего хозяина и мастера, господина Скоттинса – лучшего сапожника в городе (как он сам себя называет). Скоттинс окончательно обнаглел лет шесть назад, когда свалил почти всю работу на плечи своего подмастерья, который всегда делал всё правильно и в срок.

Тем не менее, расписку со званием мастера сапожник своему ученику не давал. Так происходило не оттого, что Эрик этого не заслуживал, а оттого, что Скоттинс просто не хотел этого делать. Он настолько привык к сытой и ленивой жизни с трудолюбивым подмастерьем, что фактически стал зависимым от него (хотя вслух и на людях говорил всегда прямо проти-

воположное). Скоттинс всё же кое-что в этой жизни соображал и знал, что если дать Эрику звание мастера, он уйдёт при первой возможности, чтобы начать своё дело вдали от Скоттинской старой грязной мастерской. Не будет Эрика, некому будет выполнять заказы и дело его развалится как гнилая сосна. А такого подмастерья, как Эрик он в целом мире не найдёт. Кто ещё согласится работать на него, старого пьяницу, выполняя всю работу мастера, работая за гроши и оставаясь вечным подмастерьем без имени и статуса? Только Эрик.

Скоттинс никогда не благодарил его за это, напротив, не было ещё дня, чтобы он не ругал Эрика хоть за что-нибудь. Если ругать было совсем не за что или намечалось повышение жалования за дополнительную работу, Скоттинс давил на Эрика тем, что когда-то забрал его, ироту без крошки хлеба в животе к себе в мастерскую подмастерьем из своего великодушия и безмерного сострадания. Это всегда действовало на Эрика как якорь, от которого ему не отцепиться и не откупиться. Именно такое положение вещей и устраивало Скоттинса.

...

Пока в оном конце города Эрик прибывал подошву к очередной паре ботинок, желая, чтобы у него выросли из боков ещё пара рук, в другом конце города, в просторном подвале с вывеской «Швейный цех миссис Игл» наверху, шила выходную жилетку мисс Мэри. Вся площадь цеха использовалась настолько плотно и рационально, насколько это было физически возможно. Ряды столов и швейных машин отделялись друг от друга небольшими промежутками, по которым могли спокойно ходить либо барышни, не видевшие обеда несколько месяцев, либо призраки. Жили все работницы буквально в паре сантиметров от самого цеха, в небольших пристройках, которые давала им фирма.

Швейные леди жили и работали в одинаковых условиях, носили одинаковую форму, но к удивлению начальства шили они совершенно не как станки. У каждой были свои алгоритмы работы, свои привычки кроить и небольшие фишки в одежде, заметные, однако немногим.

Мэри была одной из них и часто, по вечерам, перелистывая свои альбомы с эскизами, мечтала когда-нибудь увидеть, как леди и джентльмены гуляют по улицам в созданных ей костюмах и платьях. Но пока всё, что она могла предложить клиентам – это ограниченный набор фирменных нарядов в трёх цветах, которые она, всё же, шила не без удовольствия.

Часы пробили полдень и сотрудницы потоком удалялись в столовую на обед, но одну не унесло течением, создаваемым ароматом свежих булочек и печёных куриных крылышек. Мэри стояла по ту сторону кабинета миссис Игл, не решаясь войти в неизведанный мир, отделённый от стабильной реальности дубовой дверью с золотой табличкой, где красовалось то, что в кругах избранных именуется успехом.

– Миссис Игл, могу ли я занять у вас минуту времени? – донёсся голос из дверной щели кабинета миссис Игл.

– Только при условии, то вы вернёте мне эту минуту с процентами, – сказала миссис Игл, ожидая живой реакции на свою шутку (чего никогда не происходило, когда она пыталась казаться остроумной). – Входи, раз уж пришла и осмелилась отнять у меня драгоценные минуты отдыха во время обеденного перерыва.

Голос миссис Игл можно было описать как голос чересчур драматичной старой театральной примы, которая навечно осталась в роли обиженной всем миром дамы, раздражённую всем и всеми.

– Миссис Игл, конечно наивно с моей стороны полагать, что такая как я достойна вашего внимания и времени, но я очень хочу... Знаете, если бы можно было...

– К самой сути, милочка, короче, – с никогда не уходящим раздражением сказала миссис Игл.

Набрав побольше воздуха в лёгкие, Мэри отважно выговорила:

– Я хочу предложить вам свою коллекцию!

– Коллекцию? – недоумевающая, сказала миссис Игл, бросив на Мэри стеклянный взгляд выпученных через силу глаз на сухом вороньем лице. – Какую коллекцию? Я решительно вас не понимаю. Это коллекция жуков? А может минералов? Или фантиков? Или цветных тканых обрезков?

– Это коллекция одежды, мэм, – перебила Мэри нескончаемый поток предположений. – По моим эскизам можно сделать новые выкройки, я уже сделала несколько. У заказчиков было бы больше выбора и у нас было бы...

– Больше ненужной работы! – воскликнула миссис Игл. – Вы дорогая моя, видимо действительно зря осмелились тратить «мое» драгоценное время на ваши глупости. Продажи идут хорошо и без вашей так-называемой коллекции. Кто знает, какую ерунду вы там начиркали? Как я могу предлагать что-то клиентам, не зная заранее, понравится им это или нет?! Наша коллекция сформирована в рамках современных модных тенденций и предпочтений. Не зачем заново изобретать велосипед и пытаться исправить механизм, который работает! Но я прощаю вас за эту дерзость, и у меня в молодости иногда слетала крыша с головы, образно выражаясь, вы можете идти, мисс...

– Мэри Мун.

– Да, верно, мисс Мун. Приступайте к работе и выбросите из головы все эти нелепицы.

– Да, мэм, простите, что отвлекла.

Бедной Мэри подрезали крылья, едва она осмелилась показать их кому-то. Даже талантливым людям очень часто не хватает одной лишь госпожи Удачи.

...

После разноса миссис Игл надежда угасала в глазах Мэри с каждой минутой и машинальные движения рук, создававшие всё новые и новые всем известные платья, пиджаки и брюки, не приносили никакого удовольствия или удовлетворения. Мэри чувствовала себя шестерёнкой в отлаженной системе. Одна шестерёнка – ничто без часов. И как посмела Мэри надеяться, что одна шестерёнка сможет стать когда-нибудь полноценным независимым механизмом? Но реальность была такова, что она была шестерёнкой, очень хорошей, но бесполезной вне часов.

Весь день Мэри прибывала где-то вне себя. Руки её продолжали строчить бесконечные швы, но мысли концентрировались вне головы, оказывая на сознание неприятное давление. Если бы мысли могли быть видны и заметны, то мысли Мэри явно выглядели бы как большое густое серое облако, нависшее над головой девушки словно буря. Буря, которая не желала отлепляться от приглянувшейся ей головы и сопровождала Мэри, куда бы она ни пошла. Помочь в этом деле способен лишь ветер, такой же невидимый и необузданный, как наши мысли.

...

Вечером ноги понесли уставшую Мэри в дом Гринвудов, наполненный детским смехом, порванными коленками штанов, грязными рубашечными рукавами и рыжими веснушками. Мистер и миссис Гринвуд, счастливые замученные родители, мечтали найти волшебное заклинание, которое бы позволяло им быть в нескольких местах одновременно, что для их многочисленных детей было бы нехстати. Пока это удивительно полезное заклинание гниёт в надписях на древних руинах под волнами в центре Атлантического океана, беззаботной жизни детей Гринвудов угрожают только выходы семьи «в свет» и приёмы гостей, где необходимо быть «при параде» души и тела. Но, если для «парада» души часто нужен лишь правильный настрой, то с телом дела обстоят сложнее. Бедное тело подвергалось тщательному грязевымыванию, волосоукладыванию и красивоодеванию. Последняя процедура требовала профессионального вмешательства. Именно поэтому этим зимним уставшим вечером Мэри и Эрик прокладывали свои пути через непроходимые снежные горы и холмы в дом Гринвудов.

Эрик заметил Мэри задолго до того, как она вышла из-за угла знакомого переулочка и направилась прямо по улице туда, где её ждали. Он стоял без шапки, готовый в любой момент

открыть дверь Гринвудов. Снежные хлопья падали на его голову, превращая Эрика в снеговика.

Мэри ничего не замечала. Она была полностью поглощена своей неудачей и очнулась только тогда, когда наткнулась на Эрика у входной двери Гринвудов.

– Ой! – воскликнула от неожиданной снежной преграды Мэри, и подняла свой взгляд. – Прошу прощения, Эрик. Я сегодня немного рассеянная.

– Ничего страшного, – сказал Эрик, пытаясь показать улыбку под снежным лицом. – Я как раз жду, когда вы придёте, чтобы открыть вам дверь.

Снежный Эрик открыл дверь, и долгожданные Гринвудами гости вошли внутрь дома, который теснился своими широкими плечами с соседними по улице домами, пытаясь вместить в себя больше, чем это было физически возможно. Думаю, многие архитекторы, знакомые с теорией правильного устройства интерьера назвали бы жилище многодетной семьи Гринвудов чудом зонирования. Иначе не скажешь! Пять спален (в каждой минимум 2 человека), две ванные комнаты. Столовая, кухня, гостиная и личный кабинет мистера Гринвуда – всё это умещалось на 2,5 этажах дома (включая мансардный чердак).

Прямоком из кухни. Не успев снять фартук, выбежала краснощёкая и пышногрудая миссис Гринвуд.

– Ах! Мисс Мун, мистер Шус! Какое счастье, что вы пришли! Не поверите, что Фрэнк и Реджи умудрились вытворить на прошлой неделе! Фрэнк! Реджи! А ну, живо спускайтесь, мальчишки!

На лестнице послышался топот ног и звуки поспешного перешёптывания. Вскоре в прихожей показались два рыжих мальчишка с комками одежды в руках. Они виновато опустили головы в ожидании осуждений.

– Как вам это нравится, Мэри? – начала отчитывать братьев-шалунов миссис Гринвуд. – В субботу, мы, всем, можно сказать, кланом, отправились в гости к Лейкмудам. Они обещали достать нам билеты на бои быков. Скажите мне, кто?! Ну кто мог предположить, что один из этих кошмарных быков был у Лейкмудов на заднем дворе?! Конечно, эти двое, как только его увидели, начали «играть» с ним! Попытаться его оседлать им было мало! Они ещё, вдобавок ко всему, стащили парадный красный пиджак мистера Лейкмуда, да найдётся у него терпение и силы простить нас, и начали дразнить это агрессивное создание! И как вы думаете, что из этого вышло?! Правильно! Ничего хорошего! Чего стоил только несчастный порванный пиджак мистера Лейкмуда!

Миссис Гринвуд театрально положила свои пухлые ручки на такие же пухлые щёчки и начала делать успокаивающий массаж головы.

– Покажите мисс Мун, что вы сделали, мальчишки, – измученно, но с облегчением сказала миссис Гринвуд.

Мальчишки протянули Мэри комки порванной парадной одежды, осмотрев которые. Можно было предположить, что игры рыжих братьев с быком были, вероятно, зрелищнее, чем бои быков между собой.

– Не волнуйтесь, миссис Гринвуд, всё поправимо, – успокоила Мэри многодетную мать. – За вечер я приведу костюмчики мальчишек в полную боевую готовность.

– Ох, Мэри, вы как волшебница! Всегда выручаете нас из самых непредвиденных ситуаций! Мальчишки, что нужно сказать мисс Мун?

– Спасибо, мисс Мун! – хором крикнули два брата.

– И? – вытягивала извинение мать.

– Больше такого не повторится! – выкрикнул старший брат.

Младший брат кивнул головой, выражая свою солидарность с ранее сказанным.

– Ничего страшного, – улыбнулась Мэри. – Главное, что вы сами целы. Можно починить практически всё в этом мире, но человека исправить труднее всего.

– Вы как всегда, совершенно правы, мисс Мун! – сказала миссис Гринвуд. – Ах, мистер Шус, чуть не забыла про вас. Как вы сами понимаете, обувь тоже пострадала при встрече с быком, этим чудовищем!

Миссис Гринвуд протянула Эрику две пары порванных когда-то красивых ботинок.

– Не переживайте, миссис Гринвуд, – сказал Эрик. – Поставлю пару-тройку заплаток, и ботинки будут лучше, чем новые!

– Ах, мистер Шус! Руки у вас золотые! Жду не дождусь, когда ваш старик Скоттинс наконец одумается и уже даст вам статус мастера! Вы этого более чем заслуживаете! А всё остальное, дело наживное. Откроете свою мастерскую, заведёте семью... Вам бы такую жену, как мисс Мун!

Эрик и Мэри немного смутились и отвели взгляды от своднических глаз миссис Гринвуд, делая вид, что последнее предложение как-то пролетело мимо ушей обоих.

– Ну ладно, не буду вас смущать, – сказала миссис Гринвуд. – проходите скорее в гостиную, я и так порядком вас задерживаю со всеми этими до смешного нелепыми историями про быков!

Миссис Гринвуд сделала очередной театральный пируэт руками и отправилась на кухню готовить ужин, бормоча себе что-то под нос.

...

Эрик и Мэри сидели в разных углах гостиной и занимались починкой много-чего переживших выходных нарядов. Несмотря на атмосферу Гринвудской вечной детской непосредственности, которой был пропитан дом, Мэри всё ещё была подавлена из-за разговора с миссис Игл.

– Простите, мисс Мун, – нерешительно начал разговор Эрик.

– Что? – неожиданно выпала Мэри из своей протрации. – Да, мистер Шус. Вы что-то хотели спросить?

– Прошу прощения за дерзость, я понимаю, это не моё дело, да и вообще, у меня нет привычки – лезть людям в души, но мне показалось, что вы чем-то расстроены.

– Нет, что вы, просто я немного устала сегодня, – оправдывалась Мэри, стараясь сдержать свою печаль внутри, не заражая ей всех остальных. – У меня всё в порядке, правда...

На слове «правда» у Мэри внутри что-то щёлкнуло. Так щёлкает фитиль, когда он сгорает, медленно приближаясь к взрывчатке, составленной из наших переживаний и угасших надежд. Конец фитиля подожгла миссис Игл, к взрывчатке искру невольно приблизил Эрик.

– Боже мой, – воскликнула шёпотом Мэри, уронив маленький зелёный пиджак вместе с иглой на пол и прикрыв рот руками, стараясь сдержать свой крик, вырывавшийся наружу. – Что же это, Эрик? Почему я вру вам? Почему я вру всем? Почему каждый раз, когда спрашивают: «Как поживаешь?» или «Как прошёл твой день?», я должна отвечать: «У меня всё хорошо»? Потому что так принято? Потому что, на самом деле, людям нет дела до чужих проблем? Потому что так всем легче жить? Но иногда так хочется сказать кому-нибудь: «Я чувствую себя плохо».

Мэри посмотрела на Эрика предслёзным взглядом. Её глаза от влажности были похожи на блестящие зелёные бусинки, затерявшиеся в веснушчатой рыжей поляне. Такими глазами смотрят на прохожих никому не нужные доверчивые щенки, которые видят в людях только хорошую сторону. Если бы люди могли стать хотя бы наполовину такими, какими их видят преданные собаки, они бы научились любить.

«Я бы сделал всё, что угодно, чтобы тебя больше никто и никогда не обидел», – подумал Эрик.

– Мэри, – сказал Эрик и сел рядом с ней, желая защитить её от всего мира. – Что случилось?

Мэри прижалась к его плечу и тихо заплакала. Если бы у Эрика были крылья, то он бы унёс Мэри в место, где все её любят. Но, увы, не родился он птицей. Всё, что он мог сделать сейчас – это обнять её.

В дверном проёме мелькали любопытные уши и окающие рты младших Гринвудов, отгоняемых от гостиной миссис Гринвуд.

Вечернее время замедлилось ради двух людей, которым дан лишь миг, когда они могут быть друг с другом самими собой. Мэри и Эрик сидели рядом на диване гринвудского дома и не переставая говорили. Они, наконец, услышали друг друга.

...

– Ты всегда хотел стать сапожником и ни кем другим? – спросила Мэри.

– Я попал к Скоттинсу ещё ребёнком, у меня не было времени думать о том, кем бы мне хотелось быть, если бы всё сложилось по-другому. У меня просто получалось то, что я делал. Наверное, так дело и выбирает тебя. Знаешь, Скоттинс не всегда был таким, какой он сейчас. Он был для меня всем: учителем, мастером, Богом. Я часто думал: «Вот бы стать похожим на него». Он научил меня всему, что я знаю. Если бы не Скоттинс, кто знает, что со мной бы было тогда?

Эрик слегка нахмурил брови, вспоминая о прошлом.

– Я не знаю, что случилось, но однажды он пришёл в мастерскую очень поздно. У него был отрешённый пустой взгляд, словно в нём что-то угасло. Неделями после этого он никого не замечал и почти ничего не делал, а потом начал пить так, словно хотел навсегда забыть что-то плохое, что случилось тем далёким вечером. С тех пор я не видел прежнего Скоттинса. Может быть, он просто куда-то ушёл или просто спрятался так глубоко, что потерялся и не может выбраться наружу? Люди – как матрёшки. Не всегда видно, сколько личностей спрятано в одной фигуре, а может, их там нет вовсе. А бывает и так, что фигурки иногда теряются. Но я верю, что самая маленькая матрёшка всегда остаётся на месте, как бы ни была опустошена большая матрёшка или сколько бы слоёв в себе ни скрывала, центр всегда где-то там, глубоко внутри. У Скоттинса это, наверное, был бы маленький сапожок. Кто-то скажет. Что его там давно уже нет, но я верю, что он где-то там, в глубине, ждёт, когда его найдут. Поэтому я не хочу бросать его. А может быть, я просто наивный романтик-идиот.

– Ты строг к себе, Эрик, – сказала Мэри и улыбнулась. – Это не глупо – верить в людей. Люди могут легко убедить себя в чём угодно. Если сказать им, что у них ничего не получится, и ничего хорошего они из себя не представляют, то люди поверят этому и слова, сказанные, возможно, в порыве эмоций, станут правдой. Что было бы с миром, если бы люди верили друг в друга, если бы люди научились верить хотя бы самим себе? Успешные люди часто говорят: «Мы сделали себя сами, и мы никогда не сдавались, и не было такой преграды, которая смогла бы остановить нас». Но я не понимаю, как они смогли это сделать. Как можно просыпаться каждый день и верить, что сегодня всё получится, и делать, что хочешь несмотря ни на что? Но правда в том, что я не могу так. Я просыпаюсь, чтобы новый день повторил предыдущий, и этот круг никогда не прекращается. Что, если я выйду из него, случится что-то плохое?

– А вдруг случится что-то хорошее?

– Я перестала верить, что такое может быть, – Мэри опустила голову, складывая по местам свои вещи, не заметив, что высовывающийся из сумки альбом, набитый эскизами, показался на глаза Эрику, просясь ему в руки.

– Что это? – сказал Эрик, поглядывая любопытными глазами на альбом.

– Это просто альбом, где я иногда рисую модели одежды, ничего интересного, – немного смущаясь, сказала Мэри.

– Ты шутишь? – сказал Эрик с горящими глазами. – Как что-то новое, что создаёт человек, может быть не интересным? Такие вещи достойны как минимум взгляда со стороны, прежде чем ставить на них клеймо «неинтересных».

– Я даже не знаю, – ломалась Мэри со своей неуверенностью, как любая приличная леди. – Наверное, пару работ можно показать. Исключительно, ради взгляда со стороны.

Мэри открыла Эрику альбом, доверив ему свой мир, куда она любила приходить, чтобы побыть такой, какой она всегда хотела стать. Там было возможно всё, что угодно. Там люди могли ходить в костюмах всех цветов и фасонов, надев шляпы со страусиными перьями, обернув шею шёлковыми шарфами, на которых гнездились вышитые маленькие розовые фламинго. Ткани рвались на части, переплетались цветными нитками в бесконечных безумных вариациях, превращаясь в вещи, танцующие друг с другом в таком же хаосе неожиданных сочетаний. В этот мир хотелось нырнуть с головой, став его частью, и остаться в нём навсегда. Там Мэри была уверенной и непредсказуемой колдуньей моды, по щелчку пальцев которой возникали новые образы в виде моделей, которые танцевали на подиуме, простирающемся по всей поверхности этого измерения. Он извивался в спирали, соединяя верхние ярусы с нижними, и притягивал ноги раскрепощённых моделей, пренебрегая законом гравитации. У подиума были свои законы – не прекращай идти пока не кончится показ, а показ мод в мире Мэри не заканчивался никогда. Даже когда колдунья мод покидала свой мир ради дел в реальности, он не прекращал существовать. Это была часть Мэри, которую она любила и боялась одновременно, и которую она долго не решалась показать кому-то ещё.

Но Эрику она показала. Возможно, Мэри сама не осознавала того, как сильно на самом деле она хотела, чтобы именно Эрик увидел её такой – прекрасной и бесстрашной колдуньей, королевой моды.

– Они прекрасны, – сказал Эрик, мысленно говоря: «как и ты».

С каждой просмотренной страницей альбома Эрик всё дальше уходил в мир Мэри, сотканный из кусочков её души, соединённых воедино нитями фантазии. Этот мир притягивал, удивлял и преображал.

«Каждый может быть красивым» – говорил он Эрику, окутывая его тканями, которые напознали на его рабочий комбинезон как змеи на добычу. Они поглотили его полностью, образовав вокруг Эрика кокон. Не без труда освободившись от оболочки, молодой человек встретился взглядом с прекрасным незнакомцем в синем костюме, который смотрел на него в упор такими же изумлёнными глазами. Эрик протянул незнакомцу руку в знак приветствия, но столкнулся с собственной рукой, уткнувшись в зеркало. Вскоре он понял, что стоит перед самим собой.

– Неужели я могу быть таким? – спросил себя Эрик.

– Конечно, можешь, – ответил ему Мир Моды. – Одежда сама нас выбирает, Эрик. Она стремится показать снаружи, кем люди ощущают себя внутри и кем они хотят быть.

Шагая по бесконечно длинному подиуму чёрно-белыми ботинками, Эрик встречал всё больше красивых, но безликих манекенов.

– Почему ни у кого здесь нет лица?

– Это не люди, Эрик. Это манекены. Они должны быть безликими.

Универсальные прекрасные нелюди продолжали кружить вокруг Эрика, не замечая ничего и никого, кто мог бы отвлечь их от предназначения быть совершенными. Но одна фигура по какой-то причине не танцевала с остальными. Она стояла в лёгком голубом платье на берегу океана, провалившись босыми ногами в белый песок, которому был незнаком шум и пафос подиума, терпевшего нескончаемые удары каблуков. Эрик подходил к пляжу, и музыка сменялась шумом прибрежных волн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.